

Ци Чэн уловил перемену в дыхании человека за своей спиной. Он накрыл ладонью руку Чжоу Айфэна, сжимавшую ручки кресла, и с улыбкой произнёс:

— Когда я немного окрепну и смогу ходить, мы вместе навестим старого генерала Чэна и остальных. Линъюэ, разве старый генерал не ломал голову над тем, как справиться с нашествием саранчи? У меня есть кое-какие мысли. Если считаешь их разумными, почему бы нам не попробовать?

Чжоу Айфэн нахмурился:

— Твоё здоровье только-только пошло на поправку, не стоит так себя утруждать.

Ци Чэн дёрнул его за рукав, призывая наклониться, а затем легко коснулся губами его щеки:

— Сначала выслушай меня, а потом принимай решение, хорошо?

— Хорошо, хорошо... — кадык Чжоу Айфэна дёрнулся. Мужчина, который лишь недавно познал радости близости и был вынужден два месяца соблюдать воздержание, не мог устоять перед намеренным соблазном Ци Чэна. Даже столь мимолётного поцелуя было достаточно, чтобы его сердце забилося в неистовом ритме.

Ци Чэн мягко улыбнулся и начал один за другим излагать Чжоу Айфэну повадки саранчи, делая упор на методах борьбы и способах отлова. Он также добавил, что при правильном приготовлении саранча может стать превосходным деликатесом.

Сначала Чжоу Айфэн отнёсся к этому скептически, но, дослушав до конца, загорелся желанием попробовать. Он ясно осознал, насколько практичны советы Ци Чэна и какую ключевую роль они могут сыграть в предотвращении бедствия. Дослушав, он невольно устремил на Ци Чэна полный нежности взгляд.

Несмотря на потерю духовных сил, в нём не было ни капли ненависти. Даже когда он очнулся, первыми его словами было утешение для самого Чжоу Айфэна, терзавшегося чувством вины. А теперь он ещё и изнуряет себя, придумывая стратегии ради их общего будущего. Имея такого супруга, о чём ещё можно просить?

— Чэн-эр, когда достигнешь возраста совершеннолетия, позволь мне дать тебе второе имя, — взгляд Чжоу Айфэна был таким ласковым, что, казалось, вот-вот растает.

Ци Чэн замер на мгновение, а затем улыбнулся:

— Хорошо. Я буду ждать.

В тот же день Чжоу Айфэн долго беседовал со старым генералом Чэном. Чэн Юньду собирался

было сам пойти к Ци Чэну за подробностями, но Чжоу Айфэн его остановил. Несмотря на свой вспыльчивый нрав, перед Чжоу Айфэном генерал был бессилён, поэтому ему пришлось подавить нетерпение и пообещать ждать вестей. Когда Чжоу Айфэн ушёл, из-за ширмы наконец показался Чэн Тао.

— Отец, неужели слова Его Высочества седьмого принца — правда?

Чэн Юньду покачал головой:

— Не знаю. Однако седьмой принц не из тех, кто бросает слова на ветер. Раз он решился сказать, значит, уверен в успехе. К тому же, дело касается супруга принца, думаю, ему можно верить.

Чэн Тао молчал. У него не было лица, чтобы предстать перед седьмым принцем, не говоря уже о его супруге, который лишился сил из-за его халатности. Он и представить не мог, что человек, которого он называл калекой, был мастером стадии Закалки Костей — высоты, которой он сам, возможно, никогда не достигнет. Всякий раз, вспоминая свои насмешки и клевету в адрес супруга принца, он мечтал провалиться сквозь землю.

Отец знал сына как облупленного, поэтому понимал чувства Чэн Тао. Он похлопал его по плечу:

— Забудь. Ты просто поддался на провокации Чжун Яоши. Разве я сам не ошибся в нём? Кто бы мог подумать, что он окажется лазутчиком государства Тяньчжао в Армии клана Чэн. Жаль только, что он сбежал.

В глазах Чэн Тао блеснули слёзы:

— Я просто не могу поверить... Неужели все эти годы братства были ложью?

Чэн Юньду вздохнул:

— Довольно. Завтра пойдёшь к супругу принца и будешь просить прощения. Человек должен отвечать за свои поступки, независимо от того, верны они или нет.

Чэн Тао обдумывал слова отца, и его взгляд постепенно становился твёрже.

Борьба с саранчой легла на плечи Ци Чэна. Благодаря системе трансляций он с лёгкостью обнаруживал яйца насекомых, глубоко зарытые в землю, и приказывал солдатам выкапывать их и сжигать. Впрочем, делал он это редко: лучше научить человека ловить рыбу, чем дать ему рыбу. Большую часть времени он обучал воинов поиску кладок. Кроме того, нимф без крыльев и взрослых особей ловили сетями, обрывали им крылья, обжаривали на медленном огне до золотистого цвета и посыпали морской солью.

Когда по лагерю разнёсся аппетитный аромат, те солдаты, что поначалу брезговали есть насекомых, начали собираться вокруг. Но не успели они как следует насладиться зрелищем, как Чжоу Айфэн забрал все котлы, прихватив с собой и своего супруга.

К счастью, армейские повара не зря ели свой хлеб: они внимательно наблюдали за процессом приготовления, обменивались опытом и вскоре разработали ещё более совершенный способ обработки. А солдаты, распробовав жареную саранчу, добровольно влились в ряды охотников. Старый генерал Чэн даже ввёл систему наград и наказаний, что окончательно подняло боевой дух войска.

В седьмом месяце северные земли охватила страшная засуха, за которой последовало нашествие саранчи. Шесть городов подряд остались без урожая, беженцы потянулись бесконечным потоком, дороги были усеяны трупами, а случаи людоедства стали обычным делом. Местные градоначальники поседели от горя. Недавно начались бунты, и если так пойдёт дальше, то к моменту прибытия продовольствия от императорского двора города превратятся в хаос, полный смертей.

Именно в этот момент безысходности Чэн Юньду объявил: застава Хэнлин принимает всех беженцев без условий и бесплатно раздаёт похлёбку. Тем, кто участвует в работах и регистрируется в списках жителей, полагается больше продовольствия. Молодые и сильные могут охотиться в горах вместе с солдатами, добывать руду или заниматься земледелием. Для стариков, женщин и детей тоже нашлась работа: шитьё, стирка, готовка. Каждый, кто хотел трудиться, получал свою долю пищи.

По сравнению с унынием в других городах, застава Хэнлин казалась настоящим земным раем!

Градоначальники соседних городов не выдержали и один за другим отправили письма с просьбой о встрече, а через несколько дней и сами прибыли на заставу. Старый генерал Чэн, не церемонясь, заявил: хотите еды — пожалуйста, но только при условии верности седьмому принцу. Сначала чиновники колебались, пытаясь увиливать, но у генерала был слишком крутой нрав: при первых же признаках неповиновения он закрывал ворота и выхватывал меч. Бедолаги-градоначальники, дрожа от страха перед остриём клинка, вынуждены были подписывать заранее подготовленные документы.

Так Чжоу Айфэн без единой капли крови взял под контроль северные города. Он передал бумаги Ци Чэну и, покусывая его за мочку уха, прошептал:

— Ты сделал для меня так много. Как мне тебя отблагодарить?

Ци Чэн, возбуждённый его близостью, просто повернулся и прильнул к губам Чжоу Айфэна. Страсть вспыхнула мгновенно, и они едва не потеряли контроль.

— Хочешь сегодня быть сверху? — Чжоу Айфэн прикусил распухшую губу Ци Чэна. — Ты ведь постоянно об этом твердил, так что я исполню твоё желание.

Глаза Ци Чэна загорелись:

— Серьёзно?

— Вполне.

Спустя полчаса Ци Чэн, словно рыба, выброшенная на берег, тяжело дышал, прильнув к Чжоу Айфэну. Тот поддерживал его, снова и снова входя в него до глубины души. Тело Ци Чэна непрерывно искушало его, хотелось навсегда остаться в нём. Чжоу Айфэн ласкал его, осыпая поцелуями лицо и губы, умело играя языком.

— Ты... лжец... — сквозь зубы процедил Ци Чэн, но от очередного глубокого толчка его голос сорвался на стон.

— Будешь и дальше меня соблазнять, — Чжоу Айфэн перевернул его, прижимая к постели, — и я обещаю, что три дня не выпущу тебя из кровати.

Последовала новая буря, и когда всё закончилось, Ци Чэн почти без сил обмяк в объятиях Чжоу Айфэна. Тот откинул со лба супруга влажные от пота пряди волос и принялся осыпать его лицо горячими, частыми поцелуями, в которых сквозила неприкрытая одержимость и глубокая любовь.

Начало зимы следующего года.

На севере свирепствовал ледяной ветер, от которого лицо горело, как от ожогов. Снега ещё не было, но холод пробирал до костей. Чжоу Айфэн позволил Ци Чэну выйти на улицу, только когда тот надел два толстых халата и накидку. На самом деле для него этот холод ничего не значил — его духовные силы были получены в подарок, так что никакой потери мастерства не было. Но объяснять всё это означало плести новые ложь, а поскольку последние два года на границе было мирно, Ци Чэн решил оставить всё как есть.

— Почему ты решил привезти меня сюда? — Ци Чэн отодвинул занавеску кареты. — Ты хочешь помолиться о счастье в любви?

Чжоу Айфэн тихо рассмеялся:

— Разве моё счастье — это не ты? О чём мне ещё просить? Дерево любви в Бяньчэне самое известное. Пойдём, покажу.

Ци Чэн кивнул:

— Хорошо.

Дерево любви росло перед храмом, где всегда было много паломников с благовониями. Ци Чэн посмотрел на толпу и спросил:

— Зайдём помолиться?

— Нет.

— Тогда зачем мы здесь?

— Тсс! — Чжоу Айфэн приложил палец к губам. — Слушай. Слышишь?

— Ничего не... — Ци Чэн повёл ухом. — Кажется, я слышу шум ветра.

Он поднял голову: красные ленты на ветвях дерева метались из стороны в сторону, и вдруг из ткани вырвались крошечные огоньки. Ци Чэн удивлённо прищурился: это были светлячки.

В этот момент Чжоу Айфэн поднял с земли камешек и метнул его в ветви. Сверху упал увесистый мешочек. Он поймал его и протянул Ци Чэну:

— Открой, посмотри.

Ци Чэн развязал завязки, и перед ним предстал нефритовый кулон изумрудного цвета. Как только он достал его, кулон озарился мягким сиянием. Вскоре свет померк, оставив лишь лёгкое свечение, перекликавшееся с танцем светлячков в воздухе. Ци Чэн улыбнулся:

— Забавно.

— Нравится? — Чжоу Айфэн указал на кулон. — Там есть надпись.

Ци Чэн погладил нефрит:

— Линхэн. — В его голове мелькнула догадка. — Это ты дал мне второе имя?

— Именно. Линхэн, подобно горе, прост и неприхотлив, дарит радость и помогает забыть о печалях. Как тебе?

Ци Чэн усмехнулся про себя: Линъюэ, Линхэн — намерения этого парня были видны невооружённым глазом. Он не стал его разоблачать, перевернул кулон и спросил:

— Эти иероглифы тоже ты вырезал?

— Конечно.

— Неудивительно, что так некрасиво, — Ци Чэн провёл пальцем по грубоватым линиям. — Спасибо.

Дать супругу второе имя — значит связать судьбы навеки. Ци Чэн мысленно повторил слова, выгравированные на кулоне, и почувствовал, как на душе стало тепло. Он спрятал нефрит за пазуху и, подняв голову, потянулся к губам Чжоу Айфэна.

Горячие губы и языки переплелись в страстном поединке. Чжоу Айфэн, осознав происходящее, прижал Ци Чэна к себе, углубляя поцелуй, и подхватил его на руки. Их пылкость смутила стоявших неподалёку солдат. Они не сомневались: будь здесь кровать, их великий седьмой принц не задумываясь выгнал бы их прочь, чтобы предаться утехам прямо здесь.

В самый разгар поцелуя раздался голос, разрушивший всю романтику:

— Вы что, решили устроить здесь представление? На вас же все смотрят!

Чжоу Айфэн с сожалением прервался:

— Что-то случилось?

Ци Чэн вдруг понял, что люди вокруг — вовсе не случайные прохожие, а переодетые воины с заставы Хэнлин. Неудивительно, что лица казались знакомыми...

Старый генерал Чэн вытащил из-за пазухи документ и протянул его Чжоу Айфэну:

— Сам посмотри.

Чжоу Айфэн развернул свиток, и его лицо стало суровым.

— Император при смерти. Призывает меня во дворец, — произнёс он, глядя прямо в глаза Ци Чэну.

Спустя полмесяца.

Император, более месяца прикованный к постели, наконец вышел к утреннему собранию, опираясь на руку главного евнуха. Даже величественное императорское облачение не могло скрыть его болезненного вида. Шатающаяся походка дала придворным понять: эра Юньдэ подходит к концу.

Император, зная, что дни его сочтены, уже выбрал наследника. Он собирался приказать евнуху зачитать указ, как вдруг один из присутствующих шагнул вперёд:

— Отец, ваше здоровье оставляет желать лучшего. Лучше вам вернуться в покои и отдохнуть.

Все взгляды устремились к третьему принцу. Он хлопал в ладоши и улыбался, ни во что не ставя своего отца. На звук его хлопков из-за пределов зала слышались тяжёлые, слаженные шаги. Лицо императора изменилось, и придворные наконец осознали истинные намерения третьего принца.

Это был дворцовый переворот!

Император с силой ударил по столу, дрожащим пальцем указывая на сына. Слова застряли в горле, лицо покраснело от гнева. После долгого молчания он бессильно откинулся на спинку трона, повторяя лишь: «Негодный сын, негодный сын», но никто его не слышал.

Внимание всех было приковано к центру зала.

— Третий брат, что это значит? — голос наследника был холодным как лёд. — Подкуп стражи, окружение дворца... Ты хоть понимаешь, что это мятеж? Это преступление, караемое смертью. Даже будь ты наследником, отец не прощает подобного неуважения.

— Брат, ты до сих пор не понял? Весь дворец под моим контролем, трон уже у меня в кармане, — третий принц сжал руку в кулак, его лицо исказила безумная гримаса.

Наследник усмехнулся:

— Ты хорошо подготовился. Значит, трон для тебя — дело решённое?

— Именно.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся наследник. — Жаль, очень жаль. Ты всё же просчитался. Командующий Юань, третий принц поднял мятеж, берите его и казните на месте!

Командующий Юань выхватил меч и одним ударом пронзил сердце принца. Тот замер с вытаращенными глазами, не веря в происходящее, и рухнул на пол. Брызнувшая кровь окрасила роскошную колонну в зале.

Придворные дрожали от ужаса: третий принц всё же был сыном императора, неужели наследник мог так просто его убить? Это было слишком жестоко!

Но в следующее мгновение их охватил ещё больший шок. Они своими глазами увидели, как тот самый меч, обгаренный кровью третьего принца, без предупреждения вонзился в грудь самого наследника! Холодное лезвие вышло из спины, а красная кровь пропитала роскошные одежды принца.

Придворные в ужасе отпрянули, опасаясь, что командующий Юань решит устроить кровавую баню в Зале высшей гармонии. Однако тот, казалось, не имел таких намерений: небрежно вытащив меч, он даже не взглянул на поверженного наследника и опустил на одно колено у входа.

Убив двух принцев, командующий Юань приковал к себе взгляды всех присутствующих. Он склонил голову, демонстрируя покорность, и каждый невольно задался вопросом: кто же тот могущественный человек, которому подчиняется убийца принцев?

Наконец, двери Зала высшей гармонии распахнулись, открыв высокую фигуру Чжоу Айфэна. Он вошёл внутрь, окинул взглядом придворных и задержал его на двух телах, лежавших на полу.

— Наследник и третий принц самовольно использовали стражу и замыслили мятеж. Оба наказаны по заслугам. Есть ли у кого возражения? — не спеша произнёс он.

Придворные переглянулись, не зная, что сказать. Когда старейший из министров, канцлер Ван, первым опустил на колени, остальные последовали его примеру.

Ци Чэн наблюдал за всем этим, но его взгляд скользнул мимо сановников к трону. С каждым шагом они становились всё ближе к власти, а значит, и день его ухода был всё ближе.

Но пути назад не было. Последние два года Ци Чэн, находясь на границе, использовал силы павильона Цяньчун, чтобы снабжать обе стороны информацией. Под его умелым руководством борьба за престол разгоралась всё сильнее.

Две группировки истощали друг друга, теряя свои силы. Если бы принцы могли остановиться и подумать, они бы заметили, что после каждого столкновения их влияние ослабевало. Со временем в правительстве почти не осталось старых лиц! Ещё больше их шокировала информация, полученная от павильона Цяньчун: император выбрал наследником... другого!

Огромный страх лишил их разума, и когда они узнали, что император Юньдэ собирается огласить указ, они получили неожиданную помощь от командующего стражей. Вряд ли император знал, что его верный командующий был выходцем из Армии клана Чэн и с самого начала был человеком Чжоу Айфэна. Ци Чэн взглянул на мужчину рядом, и тот, почувствовав его взгляд, обернулся и улыбнулся.

Ци Чэн хотел что-то сказать, но тонкий вопль привлёк общее внимание. Главный евнух бросился к трону, заливаясь слезами. Придворный лекарь, подоспевший лишь сейчас, даже не взглянув на тела, проверил пульс императора и покачал головой.

В 28-й год правления Юньдэ император скончался. Седьмой принц взошёл на престол.

Некоторые сановники опасались, что градоначальники на окраинах могут перейти на сторону врага, воспользовавшись сменой власти. Однако опасения были напрасными: десятки правителей северных городов прибыли на церемонию коронации, доказав свою верность.

После коронации первым делом император Чэндэ объявил о возведении в сан императрицы. В тот же день он даровал матери Ци Чэна, госпоже Чэнь, титул первого ранга, а наследника титула Хоу заменил младшим сыном, Ци Дэшэном, усыновив его госпожой Чэнь. Хоу, распростёртый на полу, не смел возразить.

Когда новый главный евнух зачитал указ, чиновники пали ниц, славя императрицу на десять тысяч лет. Никто не осмелился выразить презрение к первому в истории страны императору-мужчине. Император взойшёл на престол и на следующий же день назначил императрицу — его любовь была очевидна, и даже самые строгие цензоры не решились перечить ему. Когда Ци Чэн принял печать императрицы, он увидел, как глаза Чжоу Айфэна вспыхнули ярким светом. В ту ночь они были безумны в своей страсти, не желая расставаться ни на миг.

Чжоу Айфэн, тяжело дыша, продолжал свои ласки:

— Рано или поздно ты меня выжмешь досуха. Почему ты такой ненасытный? Или я тебя днём не накормил?

Ответом ему были лишь ещё более горячие поцелуи и стоны, лишавшие рассудка.

На следующее утро Чжоу Айфэн вернулся с утреннего собрания в ярости.

— Что случилось? — спросил Ци Чэн.

— Всё те же цензоры. Только и знают, что твердить о выборе наложниц. Я отказал, так они полчаса распинались! У меня голова разболелась. Чэн-эр, разомни мне виски.

Ци Чэн нажал большим пальцем на нужные точки и, услышав довольный вздох Чжоу Айфэна, продолжил:

— Возможно, тебе стоит подумать о выборе наложниц, ведь... — тебе нужны наследники.

— Ци Линхэн! — рявкнул Чжоу Айфэн. — Что это значит?

— То, что сказано.